

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ НОВОГОДНЕЙ ТРАДИЦИИ

Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдешься и от слов своих осудишься.

Мф. 12: 36—37

Новый год — любимый праздник моего детства (г. р. — 1963), детства моих родителей (г. р. — 1930). Праздничное от бабушки — ночные запахи поспевающих куличей — Пасха, о которой родители не говорили: это были дни не обсуждаемых бабушкиных попечений. Для детей и родителей главными праздниками были дни рождений и, общий для всех, — Новый год. В нем была тайна. Чудо разрыва естественного хода жизни переживал и ребенок, и взрослый: ближайшее будущее распадалось на то, что до Нового года, и то, что после. То, что будет после, было значительно менее определенным, потому что заслонялось новогодней ночью так, как будто она могла существенно повлиять на последующее за ней будущее¹.

Тем важнее для меня было понять то, что мы были обмануты. Все те, кто родился в тридцатых годах и позже, все мы, кто, сами того не осознавая, успешно формировали новую общность под названием «советский народ», — искренне или притворяясь, служили идолам, одним из кото-

¹ Ср.: «Я когда маленькая была, Новый год больше всего любила... Новый год праздник такой особенный / старое заканчивается новое начинается» (из интервью).

рых был идол новогодней ночи. О том, как советское новогоднее чудо было сконструировано, и пойдет речь.

I. Народные традиции и языческие обряды, приходившиеся на время зимнего солнцеворота

Языческая русская обрядность святочного времени (судя по этнографическим материалам XIX—XX вв.) складывалась из двух основных ритуальных тем.

Первая тема — тема поминовения — обнаруживалась в магических действиях, направленных на контакт с «родителями», — умершими, предками рода. Для них хозяйки устраивали в Рождественский сочельник трапезы, приглашали их к праздничной постной кутье. В это же время — в Рождественскую ночь — совершался обход домов колядовщиками, изображавшими приход «родителей»². На рождественский сочельник хозяйки выходили на улицу кликать Мороз: «Мороз, Мороз, иди кутью есть!» В других местах так же кликали «родителей» — родных покойников — на кутью: «Родители милые, идите кутью есть!» Этот праздник также назывался «Деды». Деды — духи предков.

Вторая ритуальная тема — игры и ритуалы неженатой молодежи. Спиритические опыты девушек в это время состояли в вызываниях нечистой силы (ночью, в «нечистом» месте — бане, на перекрестке дорог, в овине), сакральные опыты парней — в ряженье, изображении нечистого в поведении (матерной браны, агрессии, изменении голоса)³.

² См.: Виноградова Г. С. Зимняя календарно-обрядовая поэзия славян.

³ Пример сочетания обеих ритуальных тем — игра «Сидор и дзюд»: «Двое изображают горбатых стариков с жезлом, увенчанным бантом (фаллический символ; ср.: посох — обязательный атрибут современного деда Мороза. — С. А.), их вносят в дом на скамейке, сидящими спиной друг к другу. «Тут подходит какой-нибудь парень из присутствующих — "жаних", "жерябнет" одного по горбу:

— Дзюд, а дзюд, жаниться хочу!
— Это дело не мое, это дело Сидора.

Тогда парень подходит ко второму «нагорбленному», тот спрашивает имя, парень называет имя любой из присутствующих на вечорке.

— О, девка хороша, да хулинка есть.

Сидор произносил хулинки, среди которых были и традиционные, и сочинявшиеся для разового использования. При этом о любой девке по-

Н. С. Преображенский писал, что, по верованиям крестьян Вологодской губернии, чертам «до Крещения полная свобода сколько угодно куролесить на земле и смущать православных»⁴. Ряженый и представлял собой такого «во плоти», действуя в его обличье и от его имени. Рядились в рваную одежду, закрывали лицо так, чтобы не быть узнанными, обычными святочными масками были ряженые «старики» и «старухи». В русской деревне XIX в. языческие развлечения приходились на святочное время, наступавшее после 25 декабря — Рождества и длившееся до Богоявления, захватывая новолетие (которое обычно называлось по дню церковного праздника — Васильев день, или — канун — Васильев вечер). Участвовавшим в ряженье народная традиция предписывала для очищения купаться в Крещенской проруби.

2. Календарные нововведения при Петре I

Появление новогодней елки как элемента новогоднего празднества произошло при Петре I: согласно царскому указу от 20 декабря 1699 г., впредь предписывалось вести летоисчисление не от сотворения мира, а от Рождества Христова, а день новолетия перенести с 1 сентября на 1 января⁵. Попутно вводился западный обычай празднования Нового года: в его ознаменование в этот день велено было пускать ракеты, зажигать огни и «украсить дома от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых»⁶. Светское празднование новолетия оказалось включенным в праздничное время православных Святок, что не противоречило ни уставу, ни традициям православной церкви. До указа Пет-

зволялось говорить самые срамные вещи» (Л. Л. Бойцова, Н. К. Бондарь. «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженых. С. 192—196. См. также: Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края; Зеленин Д. К. Народный обычай «греть покойников»).

⁴ Преображенский Н. Баня, игрище, слушанье на шестое января. С. 518.

⁵ К XVII столетию вокруг сентябрьского новолетия уже сложился обычай, нашедший свое отражение в чине «летопроводства». Он совершался вне церковных стен, на природе, перед литургией 1 сентября. К концу XVII в. в Москве для участия в этом молебном чтении на Ивановской площади в Кремле собиралось до 30 тысяч человек. См.: Могилевцев Г. Празднование новолетия в России. С. 74—76.

⁶ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. С. 496.

ра оно приходилось на Богородичные дни (после успенского поста, между праздниками Успения и Рождества Пресвятой Богородицы), теперь на Господни праздники: между Рождеством и Богоявлением. В течение XVIII столетия укращение помещений хвойными деревьями остается деталью «европейских» придворных святочных маскарадов, а Новый год ничем не выделяется среди других праздничных святочных дней.

Еще в 30-х гг. XIX в. елка — «рождественское дерево» — воспринималась как атрибут быта петербургских немцев. «В местах, где живут иностранцы, особенно в столице, вошла в обыкновение елка... Для празднования елки избирают преимущественно дерево елку, от коей детское празднество получило наименование, ее обвешивают детскими игрушками, которые раздают им после забав»⁷.

Взрыв интереса и распространение елки как обязательного элемента рождественского праздника, происходит на рубеже 30—40-х гг., одновременно с популяризацией немецкого романтизма, ставшего в это время достоянием массового читателя, особенно — с увлечением произведениями Э. Т. А. Гофмана. «Щелкунчик» и «Повелитель блох» выходят к Рождеству в виде детских подарочных изданий с иллюстрациями⁸. Но до середины XIX в. елочные увеселения остаются в пределах семейных рождественских праздников, не имея самостоятельного общественного статуса и сложившегося сюжета. Первую публичную елку провели в 1852 г. в Екатерингофском вокзале.

Примечательно, что русский романтизм, с его специальным интересом к демоническому, начинается с баллад Жуковского «Людмила» (1808) и «Светлана» (1808—1812), появившихся на русской почве под воздействием баллад Шиллера и Гете. «Мертвцы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною», «бешено страстная Ленора со скачущим трупом любовника», — по свидетельству Ф. Вигеля, поразили русского читателя 20-х гг. XIX столетия. Жуковский своими балладами, замечает далее критик, «создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма»⁹.

⁷ Терещенко А. Быт русского народа. Т. 7. С. 86.

⁸ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. С. 151.

⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. С. 137.

В это время начинают много говорить и писать о русском «национальном духе», «духе нации» (определение Шеллинга) как о чем-то, коренящемся в языческой истории Руси. «Этой старины никогда еще не бывало, она новая старина», — замечает один из героев Н. Г. Помяловского относительно настроений 1860-х гг.¹⁰

Вхождение в праздничный русский быт елочного увеселения происходит одновременно с созиданием писателями-романтиками образа мистической русской обрядовой старины. Рождественская елка — одно из таких идеологических новообразований: она становится элементом праздничного быта «просвещенного» русского читателя, в 20—30-е гг. узнавшего о «прелести» русской национальной традиции из переводной немецкой романтической литературы. Наиболее известным «обычаем» становится «вызывание суженого», спиритический сеанс (как это будет определено позже, ко второй половине XIX в.), описанный в балладе Жуковского «Светлана» и известный каждому современному школьнику по упоминанию в «Евгении Онегине»: «С Татьяной нам не ворожить».

В середине XIX столетия демоном святочного спиритического ожидания, благодаря романтикам, становится суженый-ряженый («Щелкунчик», принц, оборотень).

Появлением имен демонов советского новолетия — Деда Мороза и Снегурочки — мы обязаны Н. А. Некрасову и А. Н. Островскому, во многом потому, что они получили вид на жительство в советской литературе. В советском научном издании, посвященном истории русской литературы, исследователь толкует образ «Мороза, красного носа» из одноименной поэмы Некрасова (изд. 1863) в мифологическом ключе, не имевшем реальной почвы в русской народной традиции: «Жизнь деревни тесно слита с природой, поэтому картины русской зимы, истолкованные в духе народной поэзии и сказочной мифологии, естественно входят в реалистическую ткань поэмы... Образ Мороза, властелина зимней природы, рожденный древним народным сознанием, отражает веками сложившиеся суеверия и фантастические представления о таинственных силах природы»¹¹. Понятно,

¹⁰ Помяловский Н. Г. Сочинения. С. 200.

¹¹ Жданов В. В. Н. А. Некрасов. С. 370.

что советский литературовед, на рубеже 80-х написавший эти строки, сжился с Дедом Морозом советской елки также, как и другие, и так же, как и другие, признал за ним статус седой российской старины.

В зарождающейся городской традиции рождественской елки (в 30—50-е гг. XIX в.) нет еще ни Мороза, ни Снегурочки в качестве обязательных персонажей новогоднего ритуала. Равно как нет их в общеславянской обрядовой традиции.

Пьеса «Снегурочка» А. Н. Островского впервые была напечатана в журнале «Вестник Европы» в 1873 г. (№ 9). К этому времени уже вышли и стали очень популярными тома «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева, где все славянские обряды и фольклор толкуются посредством «метеорологического мифа» (борьбы света и мрака, тепла и холода, солнца и грозовой тучи и т. п.) и в том же духе излагается история Снегурочки. Замысел пьесы возникает во многом под воздействием этого сочинения. А. Ф. Луконин, рассматривая фольклорные источники образа (сказки о девочке, слепленной из снега стариком и старухой и гибнущей либо от рук подружек, либо от огня весеннего костра), отмечает, что Островский вводит в пьесу конфликт, которого не было в фольклоре, «конфликт между Морозом и Солнцем, между мраком и светом, смертью и жизнью...

Но что со мной, блаженство или смерть?
Какой восторг, какая чувств истома!
О мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега...

¹² Луконин А. Ф. Сказка и предание у А. Н. Островского. С. 73.